

УДК 81.271

DOI: [10.31029/vestiyali25/2](https://doi.org/10.31029/vestiyali25/2)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА В ЗАПАДНОЛЕЗГИНСКИХ И ЮЖНОЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКАХ

М. О. Ибрагимова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского ФИЦ РАН*

В статье сформулированы общие положения, явившиеся результатом изучения вопросов числового поведения имен существительных в южнолезгинских (будухском и крызском) и западнолезгинских (рутульском и цахурском) языках нахско-дагестанской языковой семьи с целью выявления сходных и отличительных черт и установления подходов исследователей и лексикографов к отражению семантики множественности в научных работах и словарях.

Ключевые слова: категория числа, категория множественности, лезгинские языки, будухский язык, крызский язык, рутульский язык, цахурский язык.

The article formulates general provisions resulting from the study of the numerical behavior of nouns in the South-Lezghin (Budukh and Kryz) and West-Lezghin (Rutul and Tsakhur) languages of the Nakh-Dagestan language family in order to identify similar and distinctive features and establish the approaches of researchers and lexicographers to reflect the semantics of plurality in scientific works and dictionaries.

Key words: category of number, category of plurality, the Lezghin languages, the Budukh language, the Kryz language, the Rutul language, the Tsakhur language

Сложность исследования категории числа в западнолезгинских и южнолезгинских языках заключается в многообразии содержательных функций изучаемой категории, специфической дистрибуции сингулярных и плюралных форм в пределах некатегориальных значений. В связи с этим установление семантического объема категории числа в сравниваемых языках важно для выявления категориальных и некатегориальных значений и тех факторов, которые определяют формальное выражение этих значений.

На начальных этапах развития языков для выражения семантики множественности, вероятно, использовались формы, образованные посредством лексико-семантических способов.

Особым способом образования множественного числа является редупликация, примеры которой сохранились в исследуемых языках:

буд.: *чIурчIур* «заброшенное место», *хьи-хьи* «суп», *хаишаи* «мак (семена)»; *эрх-эрх* «складки», *хара-хура* «барахло, манатки, скарб»;

крыз.: *чIерчIур* «болото», *аьсаь-аьсаь* «знание, осведомленность», *кьукьу* «кукушка», *ликIликI* «масляная лампа», *зарзар* «лютик»;

рут.: *тIакь-тIакь* «стук», *хур-хур* «храп», *мыр-мыр* «ворчание», *хваIихваIиши* «мак (семена)»;

цах.: *беберчын* «ласточка», *кушгьуш* «шепот», *хаишаи* «мак (семена)», *лагьлагь* «болтовня».

В современных западнолезгинских и южнолезгинских языках выделяется модель редупликации существительных, выполняющая функции «дистрибутивного множественного»

числа, которую в грамматических описаниях лезгинских языков относят зачастую к словообразованию наречий:

буд.: *дака-дака* «нехотя, без желания» (от *дака* «нелюбимый»);

крыз.: *къаъраъбаъ-къере* «шаг за шагом, подробно», *цукI-цукI* «кусками, частями» (от *цукI* «кусочек»), *пыртом-пыртом* «кусками» (от парча «ткань»);

рут.: *маъхь-маъхьне* «пригоршнями», *кIабал-кIабална* «группами»;

цах.: *сен-сенна* «ежегодно»; *йигъ-йигъылен* «ежедневно, день за днем».

Как правило, подобные комплексы состоят из редуцированных существительных, к которым присоединяется адвербиальный показатель.

Для исследуемых языков характерна модель прилагательных, образованных путем дубликации существительных и имеющих семантику «обладающий множеством», «покрытый множеством» [1, с. 66]: буд.: *чилчил* «веснушчатый» (от *чил* «веснушка»); *хар-хар* «рассыпчатый» (от *хар* «горох, горошина»); крыз.: *мыхмых* «рассыпчатый, зернистый» (от *мых* «ячмень»), рут.: *хар-хар* йишид крупчатый (о масле); мелкозернистый (от *хар* «горох, горошина»); *пар-пар* йишид «пятнистый» (от *пар* «пятно, крапинка»).

В разговорной речи носителей западнолезгинских и южнолезгинских языков наблюдаются и случаи использования неточной редупликации или эхо-редупликации, применяемой чаще при образовании существительных. В структуре таких конструкций вычленяются два компонента, один из которых (объект описания) является лексемой, второй – фонетически искаженным вариантом первой лексемы с семантикой «и что-то подобное», что соответствует определению репрезентативной множественности, предложенному М. Даниэлем, согласно которому этот способ выражения множественности эксплицитно указывает лишь на один из элементов множественности [3, с. 5]. Более подробное описание и анализ эхо-редупликаций в некоторых лезгинских языках приведены в монографии А. С. Алисултанова [1, с. 50–65].

Семантика эхо-редупликаций, означающих предмет и другие предметы, функционально относящиеся к тому же классу, отличается от семантики традиционных форм плюралиса неоднородностью совокупности называемых предметов. Конструкции, образованные путем эхо-редупликации, достаточно оценочно маркированы, часто имеют пейоративную семантику, отражая, в частности, пренебрежительное, презрительное отношение говорящего к соответствующему объекту:

С. Р. Мерданова описывает это явление в агульском языке: «Помимо стандартного образования формы множественного числа с помощью суффиксов *-ar/-jar* значение множественности можно выразить с помощью редупликации основы с чередованием, ср.: *gug* ‘чашка’ – *gug-tug* ‘чашки или другая посуда’, *kan* ‘одежда’ – *kan-man* или *pek* ‘тряпка’ – *pek-lek* ‘одежда, белье и другие подобные вещи’, *ut* ‘мед’ – *ut-mut* ‘мед или что-нибудь сладкое’, *gada* ‘мальчик’ – *gada-gudy* ‘дети’.

Второй элемент в удвоенной основе чаще всего начинается с согласного *m*, который присоединяется препозитивно к основе, если она начинается с гласной, или замещает первый согласный основы. Реже используются согласный *l* или чередование гласных» [8, с. 188].

В будухско-русском словаре представлено несколько словарных статей со случаями эхо-редупликации удвоенной основы, в том числе – с начальным согласным *m*: «Гарза-марза IV (-джир, -рбер) жалоба» [7, с. 45]. «Эски-мески IV (-джир, -рбер) старье, барахло; иливер эски-мески ведерде отсюда барахло уберите (ср.: Эски I) IV (-джир, -рбер) старье; тряпка, тряпье. 2) старый (о предметах) эски къыхъа идми человек в старой одежде (в тряпье)» [7, с. 167]. «Чалак-фалак IV (-джир, -ар) суета» [7, с. 151].

В разговорном рутульском языке использование эхо-редупликаций частотно: *уен-бу'ен* «то-се; то да се»; *чIалпакъ-нIалпакъ* «звуки, шум, помехи» и т. д.

Примеры демонстрируют возможность присоединения аффиксов плюралиса к таким лексемам: буд.: *Гарза-марзарбер* «жалоба», *эски-мескирбер* «старье, барахло»; рут.: *чIалпакъ-нIалпакъбыр* «звуки, шумы, помехи», *чей-мейбыр* «чай и то, что подают к чаю»,

къанфат-манфатбыр «конфеты и другие сладости»; цах.: *йаГьджудж-маГьджуджар* «масса в массе; толпа, направленная на уничтожение всего» [5, с. 181].

Второй разновидностью неточной редупликации являются чередования гласных в основе существительных: буд.: *гъай-гъуй* «шум, гам»; *хара-хура(-рбер)* «барахло, манатки, скарб»; *дарам-дурум(-ар)* «шум, тарарам»; *Гайел-гийёл* «ребенок, дитя»; криз.: *аькир-укурвел* «изогнутость»; рут.: *тарап-туруп* «шум, скандал»; *шей-шуй* «всякое барахло, всякая всячина».

Более поздним этапом выражения семантики множественности являются случаи использования копулятивных сложений, состоящих из синонимичных слов, для передачи семантики множественности, например:

- в будухском языке: *ер-емиш* «овоши-фрукты, плоды»; *йургъан-дутьег* «постель», *фухъад* «пища, питание (букв хлеб-вода)», *мал-чувал* «живность (букв. «скот-овцы»);

- в кризском языке: *фири-хыныб* «супружеская пара» (букв. «муж-жена»), *абыр-гъаьйа* «скромность», *лов-чов* «хаос, кавардак», *сыр-суфат* «физиогномика»;

- в рутульском языке: *дид-нин* «родители» (букв. «отец-мать»), *хал-лах* «имущество» (букв. «дом-очаг»), *дух-рыш* «дети» (букв. «сын-дочь»), *хыл-гъил* «конечности» (букв. «рука-нога»);

- в цахурском языке: *Гал-миз* «разговор, речь (букв. рот-язык)», *ер-емиш* «фрукты, многообразие фруктов», *къадар-къисмат* «судьба».

Изучение вопросов числового поведения имен существительных с дефектной парадигмой числа представляет особый интерес в силу особенностей их семантики. При сравнительной характеристике семантических классов вещественных и абстрактных существительных западнолезгинских и южнолезгинских языков в аспекте их числового поведения немаловажным является фактор исследованности этого аспекта в четырех языках и степень его представленности в грамматических и лексикографических источниках. Обращает внимание неравномерность в освещении этой проблемы: западнолезгинские языки в плане исследованности степени лексикализации форм множественного числа существительных находятся в предпочтительной ситуации, т. к. лексикализованные формы плюралиса отражены в монографиях по рутульскому [6, с. 24–28], (отчасти) цахурскому [4, с. 67] языкам и в «Рутульско-русском словаре» [2].

У. А. Мейланова в «Будухско-русском словаре» приводит аффиксы множественности к вещественным, собирательным и др. несчитаемым существительным будухского языка, не дифференцируя семантику сингулярных и плюральных форм [7]. И. А. Гумметов и М. Ринд-Павловски в «Крызско-азербайджанско-английском словаре» указывают на отсутствие форм мн. числа многих вещественных существительных кризского языка [11]. Вопросы лексикализации форм плюралиса не освещены в монографии Б. Б. Талибова по будухскому языку [10] и диссертации Ш. М. Саадиева по кризскому языку [9].

Вещественные имена существительные – номинации продуктов питания, химических элементов и т. д. в сравниваемых языках в прямом значении не образуют формы множественного числа. При этом они часто употребляются в форме множественного числа в разговорной речи для обозначения:

- различных сортов или видов вещества: буд.: *хЛарадж* «масло» – *хЛарадж-ар* в значении «несколько емкостей с маслом или несколько видов масла», рут.: *халред* – *халред-быр*;

- большого количество вещества, занимающего несколько емкостей, обширное пространство: буд.: *хъад* «вода» – *хъад-ри* в значении «вода, занимающая большие пространства во время наводнения», криз.: *хъад* – *хъад-ри*, цах.: *хъан* – *хъан-бы*, рут.: *хъед* – *хъед-быр* «напитки; вода, занимающая большие пространства во время наводнения»; буд.: *мишир* «халва» – *мишир-бер* «халва, занимающая несколько емкостей; несколько видов халвы»; криз.: *мишер* – *мишер-би*, рут.: *гъалва* – *гъалва-быр*; цах.: *гъалва* – *гъалва-бы*;

- для обозначения изделий из данного материала: буд.: *къызыл* «золото» – *къызыл-бер* «изделия из золота», крыз.: *къизил* – *къизил-би*, рут.: *къизил-къизил-быр*, цах.: *къизил* – *къизил-ер*; крыз.: *гумиш* «серебро» – *гумиш-би* «изделия из серебра», рут.: *гымыш* – *гымыш-быр*; цах.: *нукIра* – *нукIра-бы*.

В западнолезгинских языках формы плюралиса существительных лексикализуются:

рут.: *накъра* «барабан» – *накъра-быр* «свадьба»; *гастум* «пиджак» – *гастумбыр* «костюм»; *гьайне* «стекло» – *гьайнебыр* «очки»; *дурба* «труба» – *дурбабыр* «бинокль»;

цах.: *сук* «пшеница» – *сук-бы* «посевы пшеницы»; *хыни* «родич, двоюродный брат» – *хынабар* «родичи», *н'акъв* «земля, глина», «могила» – *н'акъв-бы* «могилы».

С точки зрения образования форм мн. числа интересны будухская лексема *джуф* «туман, туча» и рутульская лексема *гыбыл* «туман, туча», которые не присоединяют формантов мн. числа при употреблении в значении «туман», но при использовании в значении «тучи» образуют формы плюралиса *джуф-ри*, *гыбыл-быр*.

Лексема *ваз* «луна» в значении «небесное тело» употребляется только в форме ед. числа, в значении «календарный месяц» – в форме обоих чисел: *ваз-ри* (буд.), *ваз-быр* (рут.), *ваз-бы* (цах.).

Лексема *мал* «имущество, скот» в значении «скот» употребляется в форме обоих чисел: *мал-ибер* (буд.), *мал-би* (крыз.), *мал-быр* (рут.), *мал-бы* (цах.), в значении «имущество» – только в форме ед. числа.

В отличие от считаемых, абстрактные существительные в исследуемых языках, как правило, имеют низкую степень лексикализации формы плюралиса. При употреблении во множественном числе они приобретают более конкретное значение, теряя отчасти корреляцию формы единственного числа с формой множественного числа: рут.: *агъырвалды* «тяжесть, вес»; перен. «трудность, бремя» – *агъырвалдыбыр* «тяжести»; перен. «тяготы, лишения, испытания; горести»; *гьакъал* «ум» – *гьакъалбыр* «наставления»; *гичI* «страх» – *гичIбыр* «угрозы»; *ара* «промежуток, пространство; промежуток времени» – *арабыр* «отношения, связи».

Анализ фактического материала южнолезгинских и западнолезгинских языков и обзор научных и лексикографических источников, в которых освещаются вопросы числового поведения имен существительных в исследуемых языках, позволяют сделать заключение о том, что в них в недостаточной мере сформированы устойчивые языковые признаки, по которым можно было бы установить разряд слов *singularia tantum*. Анализ примеров из словарей крызского, будухского, рутульского и цахурского языков не позволяет делать однозначные выводы из-за субъективного подхода их авторов к указанию форм мн. числа. Отчасти это обусловлено особыми условиями контекста, в котором, подвергаясь переосмыслению, имена существительные, являющиеся названиями жидкостей, металлов, материалов и других объектов реальной действительности, могут поддаваться не счету, но измерению, в связи с чем такого рода когнаты употребляются в разных языках либо только в форме единственного числа, либо только в форме множественного числа, либо в форме обоих чисел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алисултанов А. С. Редупликация как грамматическое средство в лезгинских языках. Махачкала, 2011. 138 с.
2. Алисултанов А. С., Сулейманова Т. А. Рутульско-русский словарь. Махачкала: АЛЕФ, 2019. 518 с.
3. Даниэль М. А. Типология ассоциативной множественности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 27 с.
4. Ибрагимов Г. Х. Цахурский язык. М.: Наука, 1990. 239 с.
5. Ибрагимов Г. Х., Нурмамедов Ю. М. Цахурско-русский словарь. Махачкала, 2010. 532 с.
6. Махмудова С. М. Морфология рутульского языка. М.: Советский писатель, 2001. 256 с.
7. Мейланова У. А. Будухско-русский словарь. М.: Наука, 1984. 251 с.

8. Мерданова С. Р. Морфология и грамматическая семантика агульского языка (на материале хпюкского говора). М.: Советский писатель, 2004.
9. Саадиев Ш. М. Опыт исследования крызского языка: в 2-х т.: дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1970. 726 с. + Прил. (426 с.: ил.).
10. Талибов Б. Б. Будухский язык. М.: Academia, 2007. 304 с.
11. Hümmevov (Qrizli) I. Ə., Rind-Pawlowski M. Qrizca-azərbaycanca-ingiliscə lüğət. Bakı, 2020.

СОКРАЩЕНИЯ

Буд. – будухский язык;
крыз. – крызский язык;
рут. – рутульский язык;
цах. – цахурский язык.

Поступила в редакцию
26. 01.2021.

Ибрагимова Мариза Оглановна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН;
e-mail: mariza71@mail.ru

Ibragimova Mariza Oglanovna, Doctor of Philology, leading research worker, the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC of RAS;
e-mail: mariza71@mail.ru